

Егор Гайдар: «За каждый компромисс приходится платить очень дорого»

В пятницу, как мы сообщали, состоялась научно-практическая конференция по проблемам либерализма в России, участие в которой принял лидер ДВР, директор Института проблем экономики переходного периода Егор Гайдар. В заключение конференции он ответил на вопросы собравшихся. Полагаем, что ответы известного политика представят интерес для наших читателей.

– Нам известны плоды вашей работы по развалу российской экономики. Вы развалили сельское хозяйство, ограбили старшее поколение, предложили переселить людей с северных территорий. Расскажите о дальнейших планах вашей организации, чтобы нам знать, чего опасаться в будущем.

– Когда я читаю подобного рода вопросы, я чувствую себя былинным Ильей Муромцем, даже Святогором. Могучая страна, могучее сельское хозяйство, могучая промышленность. Но вот пришел Гайдар – сбережения изъяс, сельское хозяйство развалил, экономику разорил. Хотя бы и такое признание моей силы свидетельствует об их уважении.

Однако я получил марксистское образование и, кстати, не считаю, что все, что Маркс писал о социально-экономических процессах, неправильно. И если следовать Марксу, то экономика, наверное, разваливается не потому, что пришел Гайдар, а что-то было не в порядке с социально-экономическим строем. И если в рамках этого социально-экономического строя был глубокий кризис, то был и кризис сельского хозяйства, и мы последние 20 с лишним лет жили, покупая в кредит по 30-40 млн. тонн американского зерна. Да, население накапливало свои сбережения. Потому что ничего не могло купить в магазинах – ни мяса, ни автомобиль, ни мебель...

С этими сбережениями действительно было что-то не в порядке. Каждый год наш Верховный Совет принимал бюджет Советского Союза. К этому бюджету всегда, на протяжении последних 20 с лишним лет, принимались секретные пункты. В них прописывалось, сколько средств из системы сберкасс предполагалось изъять и отправить на финансирование бюджетных расходов. Началась эта практика в 67-м году. В начале изымалось понемногу – примерно по миллиарду рублей в год. Потом все больше и больше. С середины 80-х годов объемы изъятий из системы сберкасс на финансирование дефицита бюджета перевалило за 10 миллиардов рублей в год, а к концу 80-х – до 20 миллиардов. К 91-му году общая сумма изъятых на финансирование дефицита бюджетных средств равнялась вкладам населения сберегательных касс. Эти средства в полном объеме шли на войну в Афганистане, на помощь развивающимся странам... И вот именно это обстоятельство, а не замораживание вкладов и показало, что, когда открыли кассу, там ничего не лежит. Все, что я говорю сегодня, подтверждается документами.

– Признаете ли вы за собой какие-либо ошибки за время вашего пребывания в правительстве? Что бы вы изменили, если бы сейчас были премьер-министром?

– Я категорически не приемлю тональность покаяния, посыпание головы пеплом и слова о том, как мы были неправы. Принципиальных ошибок мы не допустили. Да, у нас было очень мало времени, предельно мало политической поддержки – никогда не было большинства в Верховном Совете. А в том Верховном Совете было и отвратительное законодательство. Президент колебался в проведении курса реформ. В результате реформы шли крайне отвратительно. Сегодня я бы делал то же самое, но с большей убежденностью в собственной правоте. Если тогда за моей позицией стояли общеэкономические представления, то сегодня – очень богатый жизненный опыт и опыт страны, который показывает, что за каждый компромисс и каждое отступление потом приходится очень дорого платить.

Сегодня я бы попытался организовать систему пропаганды нашей политики, чего не было сделано в 92-м году и что считаю нашей серьезной ошибкой.

– Считаете ли вы, что коммунисты и фашисты – это одно и то же?

– В печати очень многие говорят, что коммунисты – это фашисты. Нет, коммунисты – это не фашисты. Коммунисты и фашисты – это разные люди, а коммунизм и фашизм – разные идеологии. При всех наших претензиях к коммунистам это надо четко понимать. Другое дело, что если судить по последним высказываниям руководящих членов КПРФ, то мне все труднее признавать их коммунистами. Знаете, когда член КПРФ г-н Макашов рассуждает о жидах, когда г-н Илюхин, член комитета по безопасности, говорит на ту же тему, а КПРФ молчит, когда г-н Зюганов в числе своих великих предшественников перечисляет Александра III, Сталина и забывает упомянуть Владимира Ильича Ленина, то я думаю, что все это не случайно. Мне кажется, что КПРФ все в большей мере превращается не в коммунистическую, а в нацистскую организацию. Нацистская идеология откровенно пытается играть на самых низменных, самых отвратительных чертах пауперизированного общественного сознания.

Я говорю об этом не потому, что коммунистическая идеология мне близка, а потому что сегодня в лице КПРФ мы все в большей и большей степени действительно имеем дело не с коммунистической, а с нацистской партией. А эта тенденция наиболее опасна.

Честно говоря, в большой разрушительный потенциал коммунистической идеологии в России я не верю. А вот слова Хайека о том, что фашизм в первую очередь приходит после разочарования в коммунизме и нигде разочарование в коммунизме не было так сильно, как у нас, я знаю хорошо. И этого опасаясь в большей степени.

– Как вы относитесь к Лужкову и создаваемой под него общественно-политической организации «Отечество»? Является ли

московский мэ́р либералом? Что вы можете сказать о приватизации полужковски?

– Ю. Лужков – яркий, не лишенный харизматики, колоритный политик, с явными президентскими амбициями, претендующий сейчас на роль нового лидера партии. Съезд «Отечества» произвел очень интересное впечатление. Собрались люди, которых я знаю очень хорошо, – это люди, которые в большей степени, нежели другие, руководили страной в последние семь лет.

И вдруг они прозрели. Они выяснили, что их старый начальник, о котором сами все время говорил, какой он хороший, оказывается, нехороший. А хорошим оказывается новый начальник. И вот теперь они любят нового начальника. А когда поймут, что и он уходит в тираж, вновь объяснят, как он был неправ, и как все делал не так.

Лужков, на мой взгляд, фигура, опасная для России. Потому что весь его московский опыт к России применим мало. Что такое по своей природе феномен Москвы? Это феномен безумно бюджетно обеспеченного города, который купается в деньгах, высосанных из России. Высосанных из-за плохого законодательства, позволяющего зарегистрировать предприятие в Москве и перебросить туда налоговые потоки. Финансовые потоки замкнуты на Москву. Это система, при которой «Газпром» сбывает газ по всей России и экспортирует его, а платит налоги в Москве и является крупнейшим плательщиком московского бюджета. И платит он в московский бюджет раза в четыре больше всего бюджета Томской области. А еще есть РАО «ЕЭС России». Я уж не говорю о Сбербанке и т. д.

Федеративная структура страны действует в условиях традиционных крупных систем, замкнутых на Москву. Московский бюджет оказался реципиентом этих доходов, создал уникальную бюджетную обеспеченность. А если у тебя уникальная бюджетная обеспеченность, то зачем тебе проводить какую-то федеральную политику? Федеральную политику проводят в стране, когда нет другого выхода. Если же у меня куча денег, то зачем мне все эти глупости с реформами? Беда в том, что традиции, которые

возникают в условиях такой обильной обеспеченности деньгами, крайне мало применимы для управления Россией, где этих денег немного. Это выглядит примерно так, если бы мэром Тамбова поставили очень хорошего эмира Кувейта. Эмир прекрасен, но сможет ли он быть таким же прекрасным мэром?

Будет ли при Лужкове вся Россия жить, как Москва? Нет! Скорее, Москва будет жить, как вся Россия.

В московской приватизации, если честно сказать, никаких крупных достижений, кроме качания денег из московского бюджета в плохо работающие предприятия – ЗИЛ, АЗЛК, – больше нет.

– Кого бы вы хотели видеть президентом России?

– Я могу сказать, кого я не хотел бы видеть президентом. НТВ дает мне три карты и предлагает выбрать из них: Лебедь, Зюганов, Лужков. Мне не нравятся все три. А кого выбирать, это будет видно после выборов в Госдуму в следующем году. Вполне возможно, что о кандидатуре нового президента мы узнаем, когда узнаем, кто будет премьер-министром нового правительства.

– Что вы скажете о только принятом в первом чтении проекте бюджета?

– Мы в своем институте составили два прогноза бюджета: более оптимистический и менее оптимистический. Мой оптимистический прогноз совпадает с оптимистическим прогнозом МВФ – инфляция будет примерно на уровне 60 процентов. Но, думаю, что цифра будет более высокая.

– Как вы оцениваете Примакова.

– Достаточно печально. Пока у него медовый месяц с Думой. Но экономическая ситуация будет ухудшаться в силу того, что правительством сделано бесконечное число ошибок. Мы в институте проделали для них тяжелую работу, связанную с поступлением в бюджет средств от индийского долга. И, в общем, используя механизм аукциона, довели выплату в последнее время до 80 центов с доллара. Это 800 млн. долларов в год. Но

когда Примаков слетал в Индию, то договорился там, что 400 млн. индийцы могут не платить. Получается, что мы страна богатая и деньги нам не нужны? Но, чтобы представить себе, о какой сумме идет речь, напомню, что это двукратное финансирование всей судебной системы России.

– Ваша оценка деятельности Чубайса и перспективы его как политика?

– Мне трудно оценивать Чубайса, потому что это мой старый и близкий друг. Но в целом могу сказать, это человек поразительно эффективный. Я думаю, что если бы в 91-м году я вместо того, чтобы поставить его главным начальником приватизации, поставил бы его в Министерство внутренних дел, сегодня с преступностью у нас было бы все в порядке. Этот человек, как правило, решает те проблемы, которые перед ним ставят. Его поставили выигрывать президентскую кампанию, когда поддержка президента составляла 6 процентов, и он добился победы. Я очень надеюсь на то, что сейчас, когда мы поставили его начальником по организации и подготовке к выборам правого блока, он тоже добьется победы.

Материал подготовил Виктор Свинин.